

Время — четверть четвёртого дня.

В чате с говорящим названием «Снесу стену и потащу пушку ради братика» царило настоящее безумие: экран захлёстывало волнами фотографий Цзинь Шу.

Цзинь Шу был одним из самых, самых и ещё раз самых популярных актёров страны за последние несколько лет.

В наше время прославиться — раз плюнуть. Интернет-знаменитости запросто набирают десятки миллионов подписчиков в Вэйбо, и слово «популярный» давно обесценилось.

Но Цзинь Шу — это другое.

Его фанатки- «безмозглые» говорили прямо: их братик одним лицом способен покорить всю вселенную.

Преувеличение, конечно. Но недалёкое от правды. Цзинь Шу был полукровкой — по слухам, в нём текла и русская, и швейцарская кровь. Со временем пошли шутки, что в нём намешано аж двенадцать национальностей. Сколько бы их ни было на самом деле, лицо Цзинь Шу возражений не вызывало ни у кого.

Ресницы — загнутые, длинные, пышные. В одной рекламе очков они буквально касались стёкол.

Глаза с синевой — оттенок, который, по словам знатоков, в природе встречается крайне редко. И снова фанатки- «безмозглые» не скупилась на слова: они готовы вечно покоиться в глубине его синих зрачков.

Так что одних глаз и ресниц Цзинь Шу с лихвой хватало, чтобы завоевать тысячи сердец. А если добавить черты лица, фигуру, рост, актёрский талант, голос, манеры, харизму — как тут было не прославиться?

Разумеется, у Цзинь Шу имелись и недостатки — серьёзные, никуда не денешься. Только вот фанатки давно научились их не замечать. Недостатки? Да какие недостатки! В нашем братике всё — сплошные достоинства!

В тот день состоялась премьера нового фильма с его участием. За последние пару лет его популярность взлетела ещё выше. Он всерьёз работал над сменой амплуа: при бешеном рабочем графике стал куда разборчивее в проектах. Кроме церемоний вручения наград в конце года, рекламных и промо-кампаний да отдельных важных мероприятий — на публике почти не появлялся. Именно поэтому такие события, как сегодняшняя премьера, становились для «Капелек дождя» — фанатов Цзинь Шу — настоящим праздником, куда там Новому году.

К тому же этот день совпал с ежегодным Днём учителя.

В Первой начальной школе города Нанань один из самых ярких фанатов Цзинь Шу только что завершил выступление на праздничном мероприятии: как представитель педагогического коллектива первых классов, он прочёл стихотворение со сцены. Едва отгремели аплодисменты, он стремглав бросился за кулисы, схватил телефон и юркнул в туалет.

Заперев дверь кабинки, он немедленно открыл групповой чат.

Поток фотографий не прекращался. Цзинь Шу весь этот год сидел на затворническом съёмочном процессе, и увидеть его вживую было редкостной удачей. На сегодняшнюю премьеру из ядра группы добрались почти все, кто мог. С профессиональными объективами наперевес они щёлкали братика снова и снова — без ретуши и подписей, просто сбрасывали снимки в общий чат, чтобы те, кто не смог приехать, хотя бы «облизали» экран.

Разглядывая фотографии, «несчастный» фанат- «несмогший» чувствовал, как сердце снова трепещет.

Особенно один снимок — крупный план снизу: Цзинь Шу оборачивается к залу, глаза чуть прищурены, зрачки полуприкрыты. Обычно лишь с лёгкой синевой, сейчас, в луче яркого прожектора, они превратились в настоящий синий океан.

Он глубоко вдохнул, дрожащими пальцами открыл интерфейс денежного подарка с паролем и ввёл сумму — двести юаней.

В строке пароля напечатал: Хочу утонуть в синем океане братика!!!!

В чате немедленно захлестнуло девятнадцать сообщений: «Хочу утонуть в синем океане братика!!!!»

А следом — ещё девятнадцать: «Спасибо Боссу за красный конверт!»

Группа была ядровой — всего двадцать человек, все без исключения железные фанаты. «Железный фанат» — это не просто слова: денег не жалеют, активность зашкаливает. В других крупных чатах каждый из них занимал пост администратора; на выездных мероприятиях именно они организовывали толпу и первыми рвались в бой.

Разобрав красные конверты и рассыпав благодарности, девчонки притихли — в зале как раз начался фильм, Цзинь Шу спустился со сцены и занял место в первом ряду. Фотографировать стало невозможно, объективы убрали. В паузе перед показом чат снова ожил:

Манящий кот: Босс ты наконец-то пришла братик сегодня просто убил меня qaq не зря притворилась больной и сбежала с пар

Королева Таро: aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa

wtf: Ты же всегда позиционируешь себя как самую хладнокровную — могла бы и сдержаться

Королева Таро: да какое сдержаться!! я его вечность не видела живьём!! он сидит через два ряда передо мной!! хочу броситься и утащить домой!!

Очки Цзинь Шу: Сяюй ты пришла наконец, в Вэйбо снова лезут с провокациями, фильм только вышел а они уже желают моему дереву кассы ниже ста миллионов, говорят у него актёрство дрянное!! они вообще смотрели?! что они понимают?! ненавижу!!

Очкастая накидала в чат несколько скриншотов с руганью в адрес Цзинь Шу.

Фандомный сленг хейтеров — штука жуткая. В паре с нарочно обезображенными фотографиями Цзинь Шу это вызывало самое настоящее бешенство.

Манящий кот: аaaa невыносимо!! надо дать отпор!! но сегодня же премьера братика, может, не стоит портить образ в глазах случайных зрителей? в прошлый раз фанаты, которые не лезут в драки, нас же и разнесли qaq

wtf: плевать

Королева Таро: плевать!! три дня без трёпки — и они уже на голову лезут!!

В группе почти сплошь горячие головы — своих стесняться незначет. Разве что Манящий кот, школьница, была мягкой и немного наивной.

А Босс, только что вынырнувший из синего океана, увидел те слова о своём Цзинь Шу — и уж точно не собирался терпеть.

Фанаты Цзинь Шу давно прослыли самыми боевыми. И немалая заслуга в этом принадлежала горячим головам из этого чата. А всех их объединил один человек — самый неукротимый из всех.

Он не стал ничего объяснять. Просто открыл строку ввода и напечатал: В бой!

Цзинь Сяоюй: В бой!

Манящий кот: Раз Сестрица Сяюй говорит «в бой» — значит, в бой!

wtf: вперёд вперёд вперёд

Королева Таро: Я пока пробью по IP.

Цзинь Сяюй: Людей пробивать не надо, это плохо скажется на репутации мужа, на этот раз

— Учитель Ин, Учитель Ин? Учитель Ин, вы где?

Тот, кого звали «Сестрицей Сяюй» и «Боссом», — Ин Фэн, он же Учитель Ин, — услышал голос из-за двери. Он тут же отложил телефон, сделал глубокий вдох, мгновенно переключился и ровным голосом ответил:

— Здесь я.

Учитель Сунь подошла к его кабинке и торопливо заговорила:

— Да поскорее же!

— Что случилось? — удивился Ин Фэн.

— Твои дети подрались!

В фандоме Ин Фэн был известен как Цзинь Сяюй, и это имя гремело по всему фан-сообществу. Причина его славы — не только в том, что его кумир был по-настоящему популярен. Он умел драться и стоять до конца, умел организовывать акции, монтировать видео и писать тексты. Он был безоговорочным лидером фандома Цзинь Шу. Временами даже сами фанаты его недолюбливали, упрекая в любви к показухе.

На самом деле он вовсе не притворялся девушкой — просто все сами так решили. И в самом деле: кто поверит, что парень способен болеть за кумира с таким остервенением?

Поначалу он всем объяснял, что он мужчина. Но тогда Цзинь Шу ещё не был сверхпопулярным, фанатов было мало, и только он не уходил. Шли годы, первые фанаты разбрелись, и никто уже не помнил, что он когда-то говорил о своём поле, — все просто привыкли звать его «Сестрицей Сяюй». Объяснять снова он не видел смысла. Да и сам — пока болел за Цзинь Шу — незаметно из подростка превратился в молодого мужчину. Стоило выйти из онлайн и вернуться в реальный мир, как он сам начинал думать: молодой человек, с таким фанатизмом гоняющий за кумиром... и правда немного странно.

Что ж, пусть так и остаётся предводителем с боевым духом — «Сестрицей Сяюй».

Всё равно в реальной жизни его никто не узнает.

Вне интернета Ин Фэн работал учителем начальной школы. Его полное имя — Ин Фэнфэн, именно так значилось в паспорте. С детства он натерпелся из-за этого имени. Тем более что был симпатичным — в средней школе неопытные одноклассники неизменно принимали его за девушку. А увидев вживую, некоторые всё равно сомневались.

В университете, оказавшись в другом городе, он поумнел: в паспорте оставалось «Ин Фэнфэн», но всюду, где можно было выбирать, он писал просто «Ин Фэн». Спасло.

Бакалавриат и магистратуру он окончил в Нананьском педагогическом университете, после чего устроился в Нанань Исяо — и вот уже третий год подряд. В этом году ему достался первый класс, и сразу в роли классного руководителя.

Праздник есть праздник — в школе полагалось устроить что-нибудь торжественное.

В принципе, после выступления со стихотворением он был свободен. На победу не рассчитывал — потому и расслабился, решив наконец полюбоваться фотографиями кумира. Что дети могут подражаться — в голову не приходило. А первоклашки — это отдельная история. Оторвались от детсада всего два месяца назад, неделю проходили в первый класс, и вот уже...

Кумир важен. Работа тоже важна.

Ин Фэн убрал телефон в карман, перевёл на беззвучный режим и вышел из туалета с самым серьёзным видом.

В чате тем временем недоумевали.

Манящий кот: Сестрица Сяюй ты куда? Почему на полуслове?

wtf: Занята, ладно, поехали без неё!! продолжаем за неё!!

Думать о чате было уже некогда — Ин Фэн шёл к своему классу, 1 «В».

В комнате царил беспорядок: столы сдвинуты, несколько малышей плакали навзрыд. Учительница английского Линь присела рядом, обняв с двух сторон двух детей — видимо, тех самых драчунов.

Ин Фэн тихо вздохнул. Он и правда любил детей — иначе с его успехами вполне мог бы пойти в среднюю школу, продолжить учёбу в аспирантуре, уехать по обмену и вернуться преподавателем вуза. Всё это было ему вполне по силам. Но он выбрал начальную школу именно потому, что любил детей.

Правда, только придя сюда работать, он понял, насколько это тяжело.

Первые два года он не был классным руководителем — вёл языковые предметы в пятом классе. Пятиклассники — уже большие, с ними можно говорить, до них доходит. Терпимо.

В этом году — первый класс и классное руководство. Настоящий кошмар.

Некоторых первоклашек дома так избаловали, что они не умели сами снять штаны в туалете. Ему и учительнице Линь нередко приходилось их сопровождать. На уроке сосредоточиться тоже не могли — иной раз кто-нибудь бросал ручку прямо посреди занятия и несся к двери. И всё в таком роде.

Ин Фэн всё это принимал. Дети искренни: объяснишь раз, другой — и они понимают. В этом и есть суть его работы.

Дети приходят в школу не только за знаниями. Они учатся взрослеть.

Вот откуда его чувство удовлетворения.

Он шагнул в класс. Учительница Линь подняла на него взгляд и облегчённо выдохнула:

— Учитель Ин, наконец-то.

Ин Фэн присел, обнял сразу нескольких плачущих малышей и мягко спросил:

— Ну что случилось? Почему плачем?

Тянь Тянь — хорошенькая девочка с чёлкой — обернулась и бросилась ему на шею.

— Учитель, Цзинь Бэйбэй и Лян Сюэци плохие! Они подрались и перевернули стол, мы так испугались!

— Всё, всё, не плачем. — Ин Фэн похлопал её по спине и обратился к остальным: — Хватит плакать. Я здесь, бояться нечего.

Голос у него был мягким, и лицо тоже — дети его любили. Стоило немного поговорить, и малыши, всхлипывая, закивали.

Немного успокоив их, Ин Фэн встал, подошёл к учительнице Линь и присел перед двумя мальчиками.

Один — Лян Сюэци, другой — Цзинь Бэйбэй.

Дети сейчас растут хорошо: сытые, ухоженные, нарядно одетые. Некрасивых малышей почти не бывает. Оба мальчика были симпатичными. Лян Сюэци — обычной, нормальной симпатичностью. Но второй... Ин Фэн не мог не признать: этот ребёнок был поразительно красив. Ещё и полукровка — а все знают, что дети-полукровки в раннем возрасте выглядят особенно эффектно.

Лян Сюэци орал во весь голос. Цзинь Бэйбэй не плакал — сидел, опустив голову, молчал.

Ин Фэн вспомнил первый школьный день. Все дети пришли с родителями; те рассыпались в благодарностях, некоторые украдкой пытались сунуть ему подарочные карты — он всякий раз отказывался. Цзинь Бэйбэй пришёл один. Точнее, за ним тянулась целая свита, но родителей среди них не было. В анкете строчки «отец» и «мать» зияли пустотой; зато строчка «контактное лицо» была заполнена до отказа. Оказалось — няня и другие сотрудники; по всему было видно, что семья состоятельная. Когда Ин Фэн попытался узнать об отце и матери подробнее, няня вежливо, но непреклонно ответила, что сообщать о родителях не уполномочена. Расспрашивать дальше было неловко.

Особенно после того, как директор Сунь лично пришла поблагодарить: выяснилось, что родители Цзинь Бэйбэя подарили школе новейшее интерактивное оборудование для нескольких классов. Раз уж директор вопросов не задавала, Ин Фэн тем более промолчал.

Цзинь Бэйбэй был хорошеньким, с шапкой мелких кудряшек, и за несколько дней его уже знала добрая половина учителей — все норовили с ним поболтать. Только вот мальчик был замкнутым. «Замкнутый» — странное слово для малыша, но точнее не скажешь: почти не разговаривал, из класса не выходил.

Помня о его домашней ситуации, Ин Фэн жалел ребёнка. К тому же Цзинь Бэйбэй был самым младшим в классе. Как-то раз Ин Фэн тихонько проводил его в туалет — на всякий случай. Оказалось, мальчик всё умеет сам: и штаны снять, и пописать, и кран открутить, привстав на цыпочки, и руки вымыть. Куда ловчее многих других. Бывает так: чем богаче семья, тем раньше дети взрослеют.

Несмотря на то что прошло всего десять дней с начала учёбы, мальчик накрепко запомнился Ин Фэну — и не потому, что тот был богатым или красивым. Деньги ученика его не касались, а красота как мерило ценности человека была ему чужда — несмотря на то что сам он годами был без ума от внешности Цзинь Шу.

Просто этот ребёнок напомнил ему о себе.

В первом классе у него тоже не было ни мамы, ни папы.

<http://bllate.org/book/20637/2105660>